

О слове и реальности

Айтжанова Асель Бахытжановна

студент

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: alda-er@rambler.ru

«Никто более не может всерьёз говорить о Мироздании», - пишет Поль Валери в своих «Тетрадах»[1. стр.161]. Это слово потеряло свой смысл и кажется только словом. Подобным же образом и слово «свобода» лишено сегодня своего исконного содержания. Не есть ли свобода нечто само собой разумеющееся, так что она не требует упоминания, как воздух. Напротив, озвученная на многих перекрёстках, не следует ли она правилу «везде, значит нигде», опустошаясь. Принято говорить о нескольких её видах, свободе слова, печати, например. Раздробленная на части, она представляет нечто более существенное и ясное. «Ибо становится ощутительным разрыв между словарём обихода и сводом чётких идей, тщательно разработанных для фиксации и упорядочения знаний»[1. стр. 161].

Некоторые же слова и выражения, многие годы считавшиеся как не имеющие эмпирического соответствия, и, в лучшем случае, являющиеся художественным описательным средством, в 20 веке привлекли к себе внимание, благодаря обращению философии к новым проблемам. К ним относятся, например, выражение «человек без кожи».

В работе «Феноменология тела» Валерия Подороги этот феномен рассматривается у 1) людей болеющих шизофренией и 2) героев произведений Достоевского. В первом случае у человека омертвляется чувство кожи, не позволяя этим чувствовать границы своего тела и делая невозможным единство сознательного акта в «Я». Болеющий шизофренией обладает телом, но как бы телом-поверхностью, пробитой множеством дыр, по Фрейду, поэтому он не просто страдает, а испытывает страдания физические. Если он говорит, что не чувствует своих органов, то это не символические операции, а повседневная физическая реальность, им переживаемая.

Герои Достоевского также уязвимы, но имеют возможность «спрятаться», для чего пристанищем им служат – «углы», «каюты», «гробы», «шкафы», «комнатёнки», «норы». Их жильё является как бы продолжением их самих. Внешняя пространственность интерьера играет роль своего рода кожного панциря, который персонажи несут на себе и обеспечивают этим защиту от агрессивной и враждебной среды.

Валерий Подорога характеризует людей без кожи прежде всего «как людей без индивидуального тела, лишённых самообладания, могущих быть узванными лишь тогда, когда существует единый психомиметический континуум, образующийся реально с помощью тел не видимых, но аффектированных, захваченных в своём движении по отношению к друг-другу катастрофической кривой, предельно внешних себе, марионеток»[2. стр. 55]. Не люди, но скорее психомиметические аффекты, не люди – но кровоточащие раны.

Ещё одним выражением, подобным выражению «человек без кожи», является «тело без органов», о котором писал Антонен Арто. Тело сновидное, преступное, эпилептическое, садомазохистическое, оно является последней стадией телесного преобразования, и отнюдь не химера, а эмпирическая данность. «Всё происходит так, что подлинная реальность переживания, как только мы её достигаем, освобождает нас от тела как материально-биологического субстрата, в это мгновение сильного переживания делая такое тело бесполезным, «опустошённым», и мы оказываемся в другой реальности внетелесных (внеорганических) состояний, возможно более высокой и бесконечно более значимой для нас, чем та реальность, которую мы называем реальностью моего тела». Это тело, тело-аффект, не

может быть изображено или сконструировано (хотя многие - и не только Арто – пытались это сделать).

В случае с Антоненом Арто приходится напоминать, что сказанное им требует глубокого внимания. Как писал Мишель Фуко, творчество Антонена Арто поставило перед мыслью 20 века «самый насущный, самый головокружительный для вопрошающего вопрос»[3. стр.49], но, к сожалению, часто было понимаемо превратно.

«Тело есть тело,
оно одно,
ему нет нужды в органах,
тело не организм,
организмы-враги тела,
всё, что мы делаем, происходит само по себе,
без помощи какого-либо органа,
всякий орган – паразит.

Реальность до сих пор не была создана, так как не были составлены и расставлены по местам истинные органы»[2. стр. 62].

Вполне возможно, что жизнь человека так никогда и не будет изменена телом без органов, но знание об этом, быть может, побудит его сказать вслед за Антоненом Арто, что жить и думать он ещё не начинал.

Литература

1. Валери П. Об искусстве. Москва, «Искусство», 1997.
2. Подорога В. Феноменология тела. Москва, Ad Marginem, 1995.
3. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Санкт-Петербург, Университетская книга, 1997.

Научный руководитель – канд. фсф. наук, доц. О. Г. Мазаева.